

А. А. ГОРСКИЙ

К вопросу о датировке «Слова о погибели Рускыя земли»

Время создания одного из наиболее выдающихся по своим художественным качествам произведений русской средневековой литературы — «Слова о погибели Рускыя земли» — уже столетие является предметом спора, при этом датировки долгое время колебались в пределах от второго десятилетия до середины XIII в.¹ В 1989 г. в приложении к русскому изданию книги английского историка Дж. Феннелла «Кризис средневековой Руси. 1200—1304» А. И. Плигузов высказал предположение, что появление «Слова о погибели» следует отнести к гораздо более поздней эпохе — третьей четверти XV столетия. Аргументы в пользу этого выдвинуты следующие: «Основанием датировки, как правило, служит фраза „Слова о погибели“, упоминающая Ярослава Владимировича (ошибочно вместо Всеволодича. — А. Г.) (ум. 1246 г.) как „нынешнего князя“. Одно-го этого аргумента явно недостаточно, ибо „Слово о погибели“ — не летописный отрывок, а фрагмент риторического зачина, и настоящее время в его повествовании можно понимать как „настоящие сентенции“, т. е., по словам П. А. Флоренского, толковать „разбираемое место как общую мысль о постоянной связи явлений“. Позднейшая из возможных дат создания „Слова о погибели“ — 80-е годы XV в., когда этот памятник был присоединен к одному из списков первоначальной редакции „Жития Александра Невского“. В „Слове“ неточно описаны география и политическая история XIII столетия: границы владений Руси и „отчины“ Всеволода III, отношения с Булгаром и Литвой. Упоминание многих „обителных виноградов“ (монастырей) и „церковных домов“ воспринимается как реалия второй половины XIV—XV в. Один из фрагментов „Слова о погибели“ находит прямое соответствие в краткой редакции „Задонщины“ 60—80-х годов XV в., причем возможны два объяснения связи этих памятников: „Слово о погибели“ — краткая редакция „Задонщины“, либо архетип краткой „Задонщины“ — „Слово о погибели“. Рассказ „Слова о погибели“ о „великих дарах“, которые „жур Мануил“ (византийский император Мануил Комнин) посылал Владимиру Мономаху, является особым изложением книжной легенды о Мономаховых дарах, распространявшейся на Руси, во всяком случае, после падения Константинополя

¹ См.: Бегунов Ю. К. Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли». М.; Л., 1965. С. 107—118; Горский А. А. Проблемы изучения «Слова о погибели Рускыя земли» // ТОДРЛ. Л., 1990. Т. 43. С. 19.

(1453) и впервые зафиксированной „Сказанием о князьях владимирских“ (конец XV—первая треть XVI в.) и летописной редакцией чина венчания Дмитрия-внука „Мономаховой шапкой“ (ок. 1518 г.). На этом основании считаем „Слово о погибели Русской земли“ памятником не XIII, а третьей четверти XV в.»² Насколько убедительна такая аргументация?

Слово «нынешний» в древнерусских источниках встречается только в смысле «теперешний», «существующий в настоящее время».³ Всеволод Большое Гнездо не был реальным главой всей Руси, но в конце XII—начале XIII в. он признавался «старейшим в Володимере племени» (среди потомков Владимира Мономаха).⁴ Сам Всеволод претендовал на гегемонию среди всех русских князей, что отразилось в присвоении им титула «великий князь» (ранее не применявшегося последовательно).⁵ Владимирский летописец начала XIII столетия пытался изобразить Всеволода в качестве распорядителя киевского стола.⁶ Поэтому под пером автора «Слова о погибели», собиравшегося повествовать о сыновьях Всеволода (Ярославе и Юрии), он вполне мог быть представлен верховным правителем Руси. Волжские болгары упоминаются в «Слове» только в перечне пограничных с Русью народов. О страхе Литвы перед Русью говорится применительно не к XIII в., а к эпохе Владимира Мономаха, когда Литва входила (согласно «Повести временных лет»⁷) в число данников Руси. Монастыри и церкви существовали на Руси и ранее второй половины XIV—XV в.⁸

Сходные фрагменты «Слова о погибели Руския земли» и Краткой редакции «Задонщины», представленной Кирилло-Белозерским списком (далее — КБ) 70-х гг. XV в., выглядят следующим образом:

«Слово о погибели Руския земли»

Отсель до Угорь и до Ляховь, до Чаховь, от Чахов до Ятвязи и от Ятвязи до Литвы, до Немець, от Нїмець до Корьлы, от Корьлы до Устьюга, гдѣ тамо бяху тоимици погании, и за Дышючимь моремь; от моря до Болгарь, от Болгарь до Буртась, от Буртась до Чермись, от Чермись до Морьдвн...

КБ

Воды возпиша, всть подаваша по рожнымь землямь; за Волгу, к Желзнымь вратомь, к Риму, до Черемисы, до Чаховь, до Ляховь, до Устьюга поганыхь татарь, за дышущем моремь.¹⁰

В «Слове о погибели» перечень стран и народов идет в строго географической последовательности: начинаясь с Венгии, он идет на север, затем северо-восток, восток, север, юго-восток, юг. В КБ такой последовательности нет: от восточных соседей Руси черемис следует переход к западным — чехам и ляхам, затем на север к Устюгу и Дышущему морю (Северному Ледовитому океану). Основное отличие параллельных текстов — «тоимици погании» в «Слове о погибели» и «поганые тата-

² Плигузов А. И. Литература // Феннелл Дж. Кризис средневековой Руси. 1200—1304. М., 1989. С. 268—269.

³ Срезневский. Материалы. СПб., 1895. Т. 2. Стб. 481—482; Словарь-справочник «Слова о полку Игореве». Л., 1969. Вып. 3. Корабль—нынешний. С. 179; Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1986. Вып. 11. С. 451.

⁴ ПСРЛ. М., 1962. Т. 2. Стб. 685—686.

⁵ См.: Poppe A. Words that Serve the Authority: On the Title of «Grand Prince» in Kievan Rus' // Acta Poloniae Historica. Warszawa, 1989. Т. 60. S. 174—176.

⁶ ПСРЛ. М., 1962. Т. 1. Стб. 412, 417—419.

⁷ ПВЛ. М.; Л., 1950. Ч. 1. С. 13.

⁸ В памятниках домонгольского периода слово «виноград» встречается как в прямом значении (виноградник, сад), так и в иносказательном (христианская церковь): Словарь древнерусского языка (XI—XIV вв.). М., 1988. Т. 1. С. 431—432.

⁹ Бегунов Ю. К. Памятник русской литературы... С. 157.

¹⁰ «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. М.; Л., 1966. С. 549—550.

ры» в КБ. Под «тоймичами» имеется в виду финноязычное население в районе правых притоков Сев. Двины рек Верхняя и Нижняя Тойма,¹¹ к северу от Устюга. Таким образом, «тоймичи» названы на «своем» месте, как раз между Устюгом и Дышущим морем. Из текста КБ следует, что Устюг принадлежит татарам (что не соответствует действительности). Трудно предполагать, чтобы автор «Слова о погибели» мог на основе нескольких географических и этнических названий КБ составить свой пространственный и последовательный список, а главное, невозможной представляется трансформация неясного и фактически неверного «Устюга поганых татар» в раздельное (и географически точное) упоминание Устюга и малоизвестных «тоймичей». Напротив, замена тоймичей на татар при заимствовании из «Слова о погибели» в КБ легко объяснима: «тоймичи поганые», очевидно, остались непонятными писцу КБ или его протографа; определение «поганые» в его эпоху прилагалось в первую очередь к татарам, и этот привычный этноним заменил тоймичей. Таким образом, сомневаться в первичности «Слова о погибели Руския земли» по отношению к списку КБ «Задонщины» нет оснований, а это означает, что «Слово о погибели» по меньшей мере старше 70-х гг. XV столетия.

Легенда о Мономаховых дарах в «Слове о погибели» не содержит упоминания о царских инсигниях, наличествующего в «Сказании о князьях владимирских». В «Слове» говорится только о дарах, присланных императором из страха перед возможным захватом Владимиром Мономахом Константинополя. Императором назван Мануил, в действительности правивший в 1143—1180 гг. Некоторые исследователи объясняли этот анахронизм знакомством автора с перечнем византийских императоров, помещенным за «Летописцем вскор» патриарха Никифора, где указано, что Алексей I Комнин царствовал 7 лет (а не 37, как в действительности, — с 1081 до 1118), в результате чего при пересчете на абсолютную хронологию Мануил (его внук) оказывался современником Мономаха.¹² Но в наиболее раннем русском памятнике, включившем этот перечень (доведенный до имп. Мануила Палеолога, правившего в 1391—1425 гг.), — Еллинском летописце второго вида (первая половина XV в.)¹³ данной ошибки не содержится.¹⁴ Отсутствует она и в особой редакции «Летописца вскор», принадлежащей перу книгописца Кирилло-Белозерского монастыря Ефросина (70-е гг. XV в.).¹⁵ Буквенное обозначение десятков лет (л) отсутствует только в третьей русской редакции «Летописца вскор»,¹⁶ включенной в так называемые Сокращенные лето-

¹¹ См.: Бегунов Ю. К. Памятник русской литературы... С. 119—120.

¹² Жданов И. Н. Русский былевой эпос. СПб., 1895. С. 97—98; Лихачев Д. С. Галицкая литературная традиция в Житии Александра Невского // ТОДРЛ. М.; Л., 1947. Т. 5. С. 41.

¹³ Б. М. Клосс датирует этот памятник концом XIV—первой четвертью XV в. (Клосс Б. М. К вопросу о происхождении Еллинского летописца второго вида // ТОДРЛ. Л., 1972. Т. 27. С. 375—379), О. В. Творогов верхней датой считает 1453 г. (Творогов О. В. Летописец Еллинский и Римский // Словарь книжников. Вып. 2, ч. 2. С. 18—19).

¹⁴ ГИМ, Чудовское собр., № 51/353, л. 457 об.; ГИМ, Синодальное собр., № 86, л. 635.

¹⁵ РНБ, Кирилло-Белозерское собр., № 22/1099, л. 13 об. Этим указанием автор обязан Е. К. Пиотровской.

¹⁶ О русских редакциях этого памятника см.: Пиотровская Е. К. 1) К изучению «Летописца вскор» константинопольского патриарха Никифора // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 29; 2) О третьей русской редакции «Летописца вскор» константинопольского патриарха Никифора // ВВ. М., 1974. Т. 36; 3) Краткий археографический обзор рукописей, в состав которых входит текст «Летописца вскор» константинопольского патриарха Никифора // ВВ. М., 1976. Т. 37; 4) «Летописец вскор» патриарха Никифора // Словарь книжников. Вып. 1. С. 231—234.

писные своды 1493 и 1495 гг.,¹⁷ а также в списках третьего вида второй редакции (наиболее ранние списки — первой половины XVI в.).¹⁸ Из свода 1495 г. эта ошибка перешла в Русский Хронограф,¹⁹ автор которого, произведя пересчет на абсолютную хронологию, прямо назвал Мануила современником Мономаха.²⁰ Хронограф не мог быть источником «Слова о погибели Рускыя земли», так как он создавался в 1516—1522 гг.,²¹ а Печерский список «Слова о погибели» датируется 80-ми гг. XV в.²² Сокращенные своды, в которых впервые (из дошедших до нас памятников) фиксируется ошибка в исчислении лет правления Алексея Комнина, тоже появились позже Печерского списка. Правда, можно допустить, что ошибка произошла не при создании свода 1493 г., а восходит к несохранившемуся более раннему списку «Летописца вскоре». Но если это и так, все равно трудно предполагать, чтобы автор «Слова о погибели» производил на основе текста «Летописца вскоре» хронологические вычисления: то, что было естественно для составителя Хронографа, вряд ли возможно при создании поэтического произведения. Между тем упоминания в «Слове о погибели» угрозы захвата Мономахом Константинополя и посылки даров на Русь императором Мануилом находят объяснение в реальных событиях XII столетия.

В 1116 г. Владимир Мономах вел войну с Византией в низовьях Дуная. Его целью было посадить на константинопольский престол (занимаемый тогда Алексеем Комнином) самозванца Леона, выдававшего себя за сына имп. Романа Диогена (1068—1071) и приходившегося киевскому князю зятем, а после убийства Леона агентами императора — его сына (и своего внука) Василия. В 1118 г. Владимир, по-видимому, вновь посылал войска на Дунай; Константинополю удалось купить мир ценой богатых даров и договоренности о браке византийского царевича с внучкой Мономаха (реализованной в 1122 г.).²³ Таким образом, реальная угроза власти царствующего императора из династии Комнинов от Владимира Мономаха действительно исходила. Что касается Мануила Комнина, то в 1164 г. он «присла... дары многы Ростиславу (киевскому князю Ростиславу Мстиславичу, внуку Мономаха. — А. Г.), оксамиты и паволокы и вся узорочь разноличная»; этими дарами император старался добиться от Ростислава согласия на поставление митрополита Иоанна, которого князь «не хоть... прияти».²⁴ Нет ничего удивительного, что в представлении автора XIII столетия события русской-византийской войны 10-х гг. XII в., затеянной Владимиром Мономахом, могли соединиться с фактом присылки даров императором Мануилом внуку этого князя.²⁵

¹⁷ ПСРЛ. М.; Л., 1962. Т. 27. С. 171, 307.

¹⁸ ПСРЛ. М., 1965. Т. 9. С. VI—IX, XXI; Насонов А. Н. Летописный свод XV века (по двум спискам) // Материалы по истории СССР. М., 1955. Вып. 2. С. 277—278; Пиотровская Е. К. Краткий археографический обзор... С. 251—253; Клосс Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII веков. М., 1980. С. 49—51.

¹⁹ О сокращенном своде 1495 г. как источнике Хронографа см.: Клосс Б. М. О времени создания Русского Хронографа // ТОДРЛ. Л., 1971. Т. 26. С. 246.

²⁰ ПСРЛ. СПб., 1911. Т. 22, ч. 1. С. 381, 386.

²¹ См.: Клосс Б. М. Никоновский свод... С. 157—168.

²² См.: Бегунов Ю. К. Памятник русской литературы... С. 195—201.

²³ Подробно см.: Горский А. А. Русско-византийские отношения при Владимире Мономахе и русском летописании // ИЗ. М., 1987. Т. 115. О конфликте 1118 г. рассказывается только в «Истории Российской» В. Н. Татищева, но текст, повествующий об этом событии, имеет следы раннего происхождения и не может считаться вариантом поздней легенды о Мономаховых дарах (Там же. С. 313—317).

²⁴ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 522.

²⁵ Император Мануил Комнин был хорошо известен на Руси: его имя даже попало в быliny (см.: Седельников А. Д. Эпическая традиция о Мануиле Комнине // Slavica. Praha, 1925. Р. 3. С. 4); неоднократно упоминается Мануил в летописных известиях (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 352; Т. 2. Стб. 521—522, 524).

Наконец, существуют исследования языка «Слова о погибели», авторы которых пришли к выводу о его соответствии именно XIII в. (причем не позднее середины этого столетия).²⁶

Таким образом, серьезных оснований сомневаться в том, что «Слово о погибели Русских земель» написано в эпоху, для которой Ярослав Всеволодич (1190—1246) был действительно «нынешним» князем, т. е. в первой половине XIII в., нет.

В 1993 г была опубликована заметка Б. И. Яценко «„Слово о погибели Русских земель“ — киевська пам'ятка XIII століття». Автор возражает против распространенной точки зрения о создании этого произведения во Владимиро-Суздальской земле и вступает в полемику с автором этих строк, в 1990 г. обосновавшим гипотезу, что «Слово о погибели» создано в Киеве в начале 1238 г. при дворе князя Ярослава Всеволодича после получения вестей о нашествии Батыя на Северо-Восточную Русь.²⁷ Б. И. Яценко импонирует предположение о написании «Слова о погибели» в Киеве в период княжения там Ярослава Всеволодича, поскольку оно совпадает с его собственными соображениями, высказанными в 1971 г.²⁸ Но другие тезисы — о связи появления памятника с Батыевым нашествием и о северо-восточном происхождении его создателя (я считаю его приближенным Ярослава Всеволодича, прежде княжившего в Переяславле-Залесском) — вызывают у автора неприятие. Они, по мнению Яценко, соответствуют «имперской схеме исторического развития России, согласно которой на Суздальщину вскоре после смерти Мстислава, сына Мономаха, которая произошла в 1132 г., сместился политический центр Русской земли». В «Слове о погибели», считает автор, «изображен один из этапов борьбы за киевский стол еще до прихода татар»; «формирование Русской земли завершилось еще в конце XII в. в границах (в основном) теперешней Украины. И в XIII в. Русская земля выступает как единое политическое целое с центром в Киеве. „Слово о погибели“ отобразило проблемы этого нового политического образования. Поэтому есть основания утверждать, что этот памятник принадлежит к древней украинской литературе».²⁹

Не буду останавливаться на том, что, вопреки представлению Б. И. Яценко, многие российские историки последних десятилетий не разделяли мнения о смещении политического центра на северо-восток в XII в., а автор этих строк и вовсе полагает, что до Батыева нашествия Владимиро-Суздальское княжество было не более чем одним из четырех сильнейших на Руси.³⁰ Обращусь к конкретным аргументам, примененным в полемике.

²⁶ Мещерский Н. А. Из наблюдений над языком «Слова о погибели Русских земель» // Учен зап Ленингр гос пед ин-та Л., 1963 Вып 248, Бегунов Ю. К. Памятник русской литературы С 78—80 (изложение выводов неопубликованной работы Э. Д. Блохиной)

²⁷ Горский А. А. Проблемы изучения С 20—33

²⁸ Яценко Б. И. Де і коли написане «Слово о погибели Русских земель» // Укр іст жур-нал 1971 № 2

²⁹ Яценко Б. И. «Слово о погибели Русских земель» — киевська пам'ятка XIII століття // Слово і час Київ, 1993 № 5 С 13—17 Цитаты из этой работы приводятся в переводе на русский язык

³⁰ См. Пашуто В. Т. Черты политического строя Древней Руси // Древнерусское государство и его международное значение М., 1965 С 73—77, Рыбаков Б. А. «Слово о полку Игореве» и его современники М., 1971 С 157—162, Черепнин Л. В. К вопросу о характере и форме Древнерусского государства X—начала XIII в // ИЗ М., 1972 Т 89 С 364—365, Горский А. А. 1) Феодальная война в Южной Руси накануне монголо-татарского нашествия // Чернигов и его округа в IX—XIII вв Тезисы историко-археологического семинара Чернигов, 1990, 2) Русские земли в XIII—XIV веках пути политического развития М., 1996

Б. И. Яценко пишет, что автор этих строк «проигнорировал известия летописей, что Ярослав стал киевским князем в 1235 или 1236 г., и отнес его появление в Киеве аж к 1238 г.»³¹ Трудно понять, как можно было приписать такое мнение после того, как я на семи (!) страницах, путем сопоставления известий всех дошедших до нас летописей, обосновываю мнение о вокняжении Ярослава в Киеве именно в 1236 г. (указывая, помимо прочего, на ошибки Б. И. Яценко в использовании летописных данных); 1238 г. я датировал не вокняжение, а уход Ярослава из Киева во Владимир-на-Клязьме (на освободившийся после гибели его старшего брата Юрия в битве с монголами на Сити стол).³² Невольно возникает подозрение, что поставленная цель — разоблачение «имперской схемы» российской историографии — делает ненужной такую «мелочь», как точное изложение взглядов оппонентов (обязательное для тех, кто ставит перед собой более скромную задачу — поиск научной истины). Пытаясь доказать, что в начале 1238 г. Ярослава в Киеве не было, Б. И. Яценко пишет: «Хотя летописная статья 1235 г (Ипатьевской летописи. — А Г) включает события разных лет, но в ней нет и намек на татарское нашествие».³³ Однако это вполне естественно, поскольку Батьеву нашествию зимы 1237/1238 г. на Северо-Восточную Русь посвящена в Ипатьевской летописи специальная повесть, а в предшествующей статье 6743 г. излагаются южнорусские события, имевшие место до начала татарского наступления на Южную Русь осенью 1239 г. Те из них, о которых говорится перед сообщением про княжение в Киеве Ярослава, датируются, как показал еще в 1901 г. М. С. Грушевский, 1237—началом 1238 г., а последнее известие статьи 6743 г Ипатьевского списка (именно списка, так как в протографе Галицко-Волынской летописи конца XIII в. хронологическая сетка, как известно, отсутствовала) — о возвращении Даниилом Романовичем Галича — говорит и вовсе о событии, имевшем место не ранее осени 1238 г.³⁴

В своей статье я на конкретных примерах из источников показываю, что понятие «погибели Русской земли» как свершившегося факта появляется в литературе только после Батьева нашествия; ранее говорилось лишь о возможности такой «погибели».³⁵ Б. И. Яценко, оспаривая это положение, указывает, что «погибель» нельзя трактовать как смерть (в моей статье такого утверждения нет), и упрекает автора этих строк в неучете употребления этого слова в молитве Владимира Мономаха («спаси мя погыбшаго») и «Повести о разорении Рязани Батыем» (в плаче Ингваря Ингоревича). По поводу последней Яценко пишет, что А. А. Горский «отбросил материал „Повести о разорении Рязани“ на том основании, что она содержится в списке XV в. Но используемая исследователем Ипатьевская летопись тоже в списке XV в.»³⁶ В действительности старший список «Повести о разорении Рязани Батыем» относится ко второй трети XVI в.³⁷ У меня, естественно, никакие списки

³¹ Яценко Б. И. «Слово » С 14

³² Горский А. А. Проблемы изучения С 25—32. Еще одну неточность Б. И. Яценко допускает, утверждая, что автор этих строк датирует написание «Слова о погибели» временем до гибели Юрия 4 марта 1238 г. (Яценко Б. И. «Слово » С 14), на самом деле я допускаю, что памятник мог быть создан как до, так и после этого события, но во всяком случае до прихода Ярослава во Владимир (Горский А. А. Проблемы изучения С 32)

³³ Яценко Б. И. «Слово » С 14

³⁴ Грушевський М. С. Хронологія подій Галицько-волинської літописи // Зап. наукового товариства ім. Шевченка Львів, 1901 Т. 41, кн. 3 С. 26—28

³⁵ Горский А. А. Проблемы изучения С 21—23

³⁶ Яценко Б. И. «Слово » С 15

³⁷ Лобакова И. А. Проблема соотношения старших редакций «Повести о разорении Рязани Батыем» // ТОДРЛ СПб, 1993 Т. 46 С. 38

XV в. не упоминались, а говорилось со ссылкой на Д. С. Лихачева (сторонника раннего — I-й половины XIV в. — происхождения «Повести»), что текст с упоминанием «погибели» является, возможно, вставкой XV в.³⁸ При всем этом учет данного текста в сводке случаев употребления слова «погибель» работал бы на мою гипотезу, так как о гибели в «Повести» говорится в связи с Батыевым разорением. Б. И. Яценко представил дело так, что оппонент отбросил не подходящие ему сведения источников, хотя все было наоборот: ради источниковедческой точности пришлось отвести то, что подкрепляло бы мою точку зрения.

Предыдущее замечание не менее странно. В молитве, помещенной в Лаврентьевской летописи вслед за «Поучением» Владимира Мономаха, речь идет о «погибели» души отдельного человека. Таких примеров употребления слова «погибель» и родственных ему в древнерусской литературе множество, и тогда уж следовало бы упрекать оппонента в неучете их всех, а не одного. Но полемика идет о другом — о «погибели Русской земли», именно примеры употребления такого понятия я привожу в своей статье. Конечно, «погибель» — это не просто смерть, а более синкретичное понятие. Но если Б. И. Яценко хочет доказать свою точку зрения, что «погибель Русской земли» — это не Батыево разорение, а княжеские усобицы,³⁹ ему нужно было привести примеры из источников домонгольского периода, в которых как о сегодняшней данности говорилось бы о «погибели Русской земли». Этого автор не делает (что неудивительно, поскольку подобных примеров нет), и его тезис о «погибели» как междоусобицах (а следовательно, о создании «Слова о погибели Рускяя земли» до Батыева нашествия) по-прежнему остается не подкрепленным аргументацией.

Стремясь доказать, что понятие «погибель Русской земли» не могло относиться к нашествию Батыя на Северо-Восточную Русь, Б. И. Яценко утверждает, что Владимиро-Суздальская земля в понятие «Русской земли» в XIII в. не входила.⁴⁰ Авторский тезис опять остается не подкрепленным сведениями источников. Он, впрочем, несомненно верен, если имеются в виду представления жителей Южной Руси: для них Северо-Восточная Русь была «Суздальской землей». Но иное дело — представления жителей Северной Руси. В моей статье было приведено несколько случаев, когда термины «Русь» и «Русская земля» в новгородских и северо-восточных источниках XIII в. покрывали собой севернорусские земли.⁴¹ Недавно примеры такого рода были собраны Б. Н. Флорей; исследователь делает вывод, что «на протяжении XIII в. в севернорусских землях утвердилось понимание „Руси“, „Русской земли“ в широком значении, в состав которого входили и Ростовская земля, и Новгород».⁴² Отвергнуть возможность включением под пером уроженца Северной Руси северо-восточных земель в понятие «Русская земля» можно, только объявив приведенные мной и Б. Н. Флорей известия источников несуществующими. И именно такое включение наблюдается в «Слове о погибели», где северо-восточные пределы «Русской земли» очерчиваются «от Корълы до Устьяга, гдѣ тамо бяху тоимици погании, и за Дышчючимъ моремъ; от моря до Болгарь, от Болгарь до Буртась, от Буртась до Чермись, от Чермись до

³⁸ Горский А. А. Проблемы изучения... С. 23, примеч. 50.

³⁹ Яценко Б. И. «Слово...»... С. 15.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Горский А. А. Проблемы изучения... С. 33.

⁴² Флоря Б. Н. Исторические судьбы Руси и этническое самосознание восточных славян в XII—XV веках // Славяноведение. 1993. № 2. С. 49.

Морьдви»,⁴³ т. е. по внешним границам Владимиро-Суздальского княжества.

Таким образом, Б. И. Яценко не удалось привести ни одного аргумента против связи создания «Слова о погибели Руския земли» с Батыевым нашествием на Северо-Восточную Русь. Нет и аргументов против северного происхождения автора произведения. Оно ясно видно не только из включения Северо-Восточной Руси в понятие «Русской земли», но и из сосредоточенности авторского внимания на князьях суздальской ветви: «То все покорено было Богомъ крестияньскому языку поганьския страны: великому князю Всеволоду, отцу его Юрью, князю киевскому, дѣду его Володимеру и Манамаху».⁴⁴ Если Юрий Долгорукий был некоторое время киевским князем, то представление о Всеволоде Большое Гнездо как главном князе всей Руси — далекая от истины позиция, проявлявшаяся только у книжников Северо-Восточной Руси (до автора «Слова о погибели» — у владимирского летописца начала XIII в.). Хотя «Слово о погибели» и было создано, скорее всего, в Киеве, но «своими» князьями для его автора были представители суздальской ветви потомков Мономаха. Данное произведение не может принадлежать к «древней украинской», равно как и к «древней российской» литературе, поскольку в XIII в. не существовало ни Украины, ни России. Но специфика «Слова о погибели Руския земли» в том, что оно не может быть однозначно признано и произведением «южнорусским» или «севернорусским»: ⁴⁵ его автор был северянином по происхождению, но писал свое «Слово» в Южной Руси.

Если соображения, высказанные А. И. Плигузовым, ценны тем, что побуждают к более тщательному обоснованию принадлежности «Слова о погибели Руския земли» XIII в., то работа Б. И. Яценко не вносит в изучение памятника ничего, кроме политико-идеологической ангажированности.

⁴³ Бегунов Ю. К. Памятник русской литературы... С. 157.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Определение «русский» имеется в виду, естественно, в средневековом смысле (= восточнославянский).